Бабушкин Колобок

Мне было тогда десять лет, а сестре Ляльке пять. Мы жили с бабушкой в маленьком бревенчатом домике с зелёными ставнями. Кругом был сад, такой большой сад, что в нём можно было заблудиться. В саду росло очень много орешника.

Один раз вышли мы с Лялькой из дому, слышим, бабушка в саду на кого-то кричит, да сердито так. Удивились мы: бабушка была добрая. Побежали посмотреть. Глядим, — стоит бабушка в чёрном платье, маленькая, сгорбленная, на голове косыночка кружевная наколота, лицо все в морщинках, сердитое, брови сдвинуты. И держит бабушка правой рукой за ухо мальчишку незнакомого, а мальчишка вертится, пищит, никак от бабушки вырваться не может.

Мы с Лялькой остановились, смотрим издали, что будет. А бабушка мальчишку отчитывает:

— Я вам задам, разбойники этакие! Мало того, что орешины ломаете, ещё белочку убили. Зачем убили? Говори!

Мальчишка хнычет, ничего не говорит.

А бабушка снова:

— Что она вам сделала? Кто теперь бельчат кормить будет? И бельчата помереть должны!

Мальчишка говорит:

— Да там всего один.

— Где там?

— А в гнезде!

Бабушка ещё больше рассердилась.

— И в гнездо уж залезли. Где гнездо? Говори!

Да как дёрнет мальчишку за ухо. Тот даже заревел. А бабушка не унимается:

— Где гнездо? Говори!

— Во-он на той ёлке.

Показывает мальчишка прямо в нашу сторону. Мы с Лялькой скорей за куст. Никогда мы бабушку такой сердитой не видали.

Подвела бабушка мальчишку к ёлке.

— Полезай, — говорит, — достань мне бельчонка. Только не думай удирать; я тебя теперь знаю, всё равно разыщу.

Отпустила мальчишку. Мальчишка ухо рукой потёр, — оно всё красное. Полез на елку, а сам всхлипывает. А бабушка смотрит, как он лезет, да приговаривает:

— Злодеи вы, злодеи! Чего загубили зверька? Смотри, осторожнее! За пазуху бельчонка положи…

Лезет мальчишка на самый верх. А нам любопытно: подошли к самой ёлке. Бабушка нас точно и не замечает. Смотрим наверх: мальчишки за ветками и не видать. Потом, слышим, слезает. Тихонько слезает, осторожно. Правой рукой за дерево держится, в левой что-то несёт. Слез. Взяла у него бабушка бельчонка из рук, дала мальчишке подзатыльник.

— Пошёл вон! И чтоб духу твоего здесь не было!

Подрал мальчишка, только пятки засверкали. А мы уж около бабушки стоим, рассматриваем.

Копошится у бабушки на ладони что-то розовое, голенькое, с длинным-длинным голым хвостом; слепой мордочкой тычется в бабушкины пальцы. А бабушки и не узнать: повеселела, улыбается.

Пошли мы домой. Сейчас же послала меня бабушка в аптеку, соску резиновую купить. Пока я в аптеку бегала, бабушка молока согрела. Налила его в бутылку, соску надела и поднесла бельчонку к губам. Он так и присосался. Мы с Лялькой даже запрыгали от радости. А бельчонок пососал, пососал да и уснул.

* * *

Так бельчонок у нас и остался жить. Возилась с ним бабушка как с ребёнком.

А Лялька у нас была избалованная, капризная, привыкла, чтобы только с ней носились.

Один раз вижу: сидит Лялька у окна и губы надуты. Я подошла.

— Ты чего дутая? — спрашиваю.

— Да, — говорит, — а чего бабушка бельчонка больше, чем меня, любит?

— Глупая ты, Лялька, — говорю. — Он маленький, а ты большая. Тебя из соски кормить не надо, а он не умеет сам есть. Надо же его выкормить.

А Лялька бубнит:

— Голый, противный. Все спит да спит. Я думала, он с нами играть будет.

— И будет, когда вырастет, — говорю. — Подожди немножко.

Прошло четыре пять недель. Вырос бельчонок. Сидит у бабушки на плече, рыженький, пушистый; длинный пышный хвост кверху задрал, себе на спину положил, а кончик хвоста назад отогнут: на спине не помещается. Ушки длинные, глазки чёрные, быстрые. Сидит на задних лапках, в передних сухарик держит, грызёт его длинными острыми зубками.

Съест сухарик, мордочку лапками вытрет, вскочит на бабушкину голову, а потом как распушит хвост да как перелетит птицей с бабушкиной головы прямо на шкаф. Оттуда — на дверную притолоку, оттуда на бабушкину кровать — и давай на ней кувыркаться через голову.

— Ишь ты, что выделывает! — удивляется бабушка.

Лялька захлопала в ладоши и кричит:

— Смотрите, смотрите! Катится, как колобок! Колобок-колобок, я тебя съем!

А бельчонок точно понял! Вскочил на шкаф, на Ляльку смотрит и цокает:

— Цок-цок-цок.

Бабушка говорит:

— Напугала Лялька его своими хлопками.

А я смеюсь:

— Нет, бабушка, это он песенку колобка поёт: «Я от бабушки ушёл, я от дедушки ушёл, от тебя. Лялька, и подавно уйду!»

— Колобок-колобок, иди ко мне, я не съем! — говорит бабушка и протянула руки к нему. Бельчонок прыгнул к ней на руки, а с них на кровать — и ну снова кувыркаться через голову. Понравилось ему, видно, по мягкой постели кататься!

Тут мы с Лялькой в два голоса хохочем и кричим:

— Колобок-колобок, я тебя съем! — и обе пробуем его поймать. А он увернулся, прыг к бабушке на плечо и суёт мордочку к ней за пазуху, точно спрятаться хочет. Бабушка взяла его в ладони, прижалась щекой к его пушистой шёрстке, а сама всё приговаривает:

— Нет, он бабушкин, бабушкин колобок, никому бабушка своего колобка есть не даст! Наигрался, колобок, отдохни, колобок, баю-бай, баю-бай.

Так бельчонка Колобком и прозвали.

* * *

Со мной Колобок дружил. Очень я любила играть с ним! Приду, бывало, в бабушкину комнату:

— Колобок, давай в пятнашки играть!

— Цок-цок-цок!..

Откуда ни возьмись, вскочит Колобок на плечо — и ну бегать по мне. Коготки у него длинные, цепкие, так кругом меня по платью и носится. А я его ловить должна. Только захочу его схватить на левом плече, глядь, а он уж у правой коленки. Наклоняюсь к коленке, а он уже на голове. А иногда возьмёт да и скользнёт нарочно под самой рукой. Иной раз и схватишь его, а он цокнет и вырвется, — пошла игра сначала.

Очень было весело с ним.

А Лялька бегает вокруг меня, тоже Колобка ловит, хохочет. Иной раз Колобок и на неё вскочит; ну, тут уж Лялька так завизжит, что не только Колобок — и мы с бабушкой перепугаемся. А Колобок зацокает, хвост распушит да давай от Лялькиного визгу на шкаф удирать. Сядет там и смотрит на Ляльку, и цокает, точно сказать хочет:

— Чего визжишь? Чего меня пугаешь?

— Лялька, — говорю я, — ты зачем нам игру портишь?

Надует Лялька губы и сядет в угол. Тогда Колобок снова — прыг на меня.

Наиграется, устанет и бежит к бабушке отдыхать. Свернётся у неё на ладонях клубочком, брюшко кверху выставит. А потом полезет или в карман к бабушке, или к ней под кофту спать.

* * *

А Лялька опять недовольна. Вижу — ходит надутая.

— Ты что, Лялька?

— Да. А чего Колобок вас с бабушкой больше, чем меня, любит?

— Дурочка ты. Лялька! То сердилась, что бабушка Колобка больше тебя любит, а теперь, что Колобок бабушку.

— Да. Вот с тобой он играет, у бабушки в кармане спит, а на меня и не посмотрит.

— Так ведь ты же сама визжишь, его пугаешь.

— А зачем он на меня прыгает? Я боюсь. Играл бы так.

Мы с бабушкой смеёмся.

А потом — потихоньку от Ляльки — бабушка мне говорит:

— Аня, а ведь Колобок меня больше всех любит. Правда?

Взглянула я на бабушку. Смотрит она на меня пытливо так.

Я ей говорю:

— Правда, бабушка!

А сама в душе смеюсь. Не хочется мне огорчать бабушку, а только смешно мне: обе они — и бабушка и Лялька из-за Колобка спорят. А вот я-то знаю наверное: Колобок больше всех любит меня. Ведь играет-то он только со мной. Ну, да я хитрая — помалкиваю.

* * *

Жил Колобок в большой клетке. Дверца в клетку всегда была открыта, и Колобок свободно мог бегать по комнате. Бабушка устроила ему в клетке гнёздышко, и там он спал по ночам.

Лето подходило к концу. Вот один раз бабушка нам говорит:

— Посмотрите, какой Колобок запасливый… Он знает, что на зиму надо запасы делать. Только вот угадайте, где он себе кладовую устроил? Ни за что не угадаете!

Стали мы отгадывать.

— Под подушкой! За диваном! На шкафу! За зеркалом!

А бабушка смеётся и говорит:

— Нет… нет… нет!..

— Ну, — говорит, — смотрите. Только сядьте смирно и не мешайте. Ты, Лялька, не визжи. Вот он сейчас кончит кушать, а что не доест спрячет.

Мы сели и ждём. Вот Колобок накушался, лапками мордочку вымыл, взял в зубы орешек — и прыг из клетки. Мы смотрим: куда он побежит?

Ну, и правда. Об этой кладовой мы бы ни за что не догадались.

Прыгнул Колобок на стол, а со стола — прямо на бабушкину голову. Передними лапками отогнул косынку и давай засовывать орех в узел бабушкиных волос. Засунул, волосами прикрыл — и прыг в клетку за другим орехом.

Вот была потеха! Все орехи перетаскал на бабушкину голову. Да ведь так ловко уложил их там: ни один не вывалился.

Мы хохочем:

— Бабушка, какой Колобок глупый.

А бабушка нам:

— Вовсе он не глупый. Он же не понимает, что я ему корм в лавке покупаю. А знает хорошо, что зимой под снегом ничего не найдёшь.

И вот так Колобок прятал свои запасы всю осень, каждый день. Вечером бабушка станет расчёсывать волосы, а из них так и сыплются орехи, миндаль, сушёные грибы.

Колобок очень любил сушёные грибы. А бабушка нам рассказывала, как белки летом собирают себе грибы на зиму. Они найдут в лесу сухое дерево и накалывают грибы на засохшие острые сучки. Солнышко грибы высушит досуха, тогда белка и перетаскает их в своё гнездо. А гнезда они чаше всего устраивают в дуплах деревьев.

* * *

Вот один раз бабушки не было дома. Мы с Лялькой гуляли в саду. А Лялька хитро улыбается: видно, что-то замышляет. И вдруг убежала в дом Я за ней. А она — шмыг в бабушкину комнату и заперлась на ключ.

— Лялька, впусти!

— Не пущу!

— Что ты там делаешь?

— Не мешай! Хочу, чтоб Колобок и меня любил.

Так и не пустила. А мне интересно, что она будет делать. Выбежала я в сад, обежала кругом дома, влезла на карниз и смотрю в окно.

Вижу, сидит Лялька в бабушкином кресле, бабушкину косынку старую на голову надела, очки бабушкины на носу. И чулок вяжет. Я чуть не прыснула, да нет, удержалась: Лялька-то меня не видит.

А Колобок за Лялькиной спиной в клетке орешки щёлкает.

«Ну, — думаю, — посмотрим».

Вот взял Колобок орех, выскочил из клетки да со всего размаху скок на Лялькину голову.

А Лялька как завизжит на весь дом… Выронил Колобок орех, бросился на шкаф, заметался по всей комнате, только хвост мелькает. А Лялька с рёвом — к двери. Побежала я скорей к ней навстречу. Стоит Лялька в дверях, очки на одном ухе висят. Ревет.

— Чего ты. Лялька?

— Ой-ой-ой! Какие когти у него о-о-острые…

А один раз было так. Колобку шёл тогда уже второй год.

Позвала нас бабушка.

— Кто из вас, — говорит, — взял у меня клубок шерсти?

— Мы не брали, — говорим.

Стали искать. Искали, искали, всю комнату перерыли, — нет клубка. Удивилась бабушка.

А на другой день вдруг платочек пропал, футляр от бабушкиных очков и ещё что-то.

И вдруг, смотрим, соскочил Колобок со шкафа на комод — хвать бабушкин гребешок да обратно на шкаф.

Всплеснула бабушка руками.

— Так вот, оказывается, кто меня грабит-то!

Сейчас же мы придвинули к шкафу стол, залезли на него и видим. Колобок хлопочет: гнездо себе строит. Футляр от очков все держаться не хотел, так Колобок его гребешком подпирает.

— Колобок, — смеётся бабушка, — ты что же это меня разоряешь?

А Колобок никакого внимания. Приладил гребешок и давай дно у гнезда выравнивать. А дно-то все устлано оческами из бабушкиных волос.

Жалко нам было разорять колобкову работу. Вечером, когда он заснул, вытащили мы осторожно нужные вещи, а вместо них другие положили. На другой день Колобок кончил своё гнездо и с тех пор спал в нём по ночам.

* * *

А вот как мы с Колобком поссорились. Захожу я в бабушкину комнату и зову:

— Колобок! Иди играть.

А сама думаю: «Что он будет делать, если я его ловить не стану?»

Колобок тут как тут. Вскочил на юбку — и ну бегать. А я половила его немножко, да и опустила руки. Стою, не двигаюсь. И Колобок остановился на минутку на моём плече, в глаза заглянул.

— Цок-цок? — спрашивает. Точно сказать хочет: «Чего же ты меня не ловишь?»

А я — не шевельнусь.

Опять побежал Колобок по мне, сбежал вниз, нарочно мордочку мне под пальцы суёт. Лови, значит. А я не ловлю. Рассердился Колобок, громко так зацокал. А я стою, как каменная.

Бабушка мне говорит:

— Да уж не мучь зверька. Ну, чего его дразнишь!

А я смеюсь:

— Бабушка, он очень смешно ругается, слышишь?

Остановился Колобок прямо у меня на груди, посмотрел на меня, да как вцепится и когтями и зубами мне в лицо. Закричала я, схватила его, оторвала от себя. Да он проворнее меня: пока я его хватала, прокусил мне мизинец до самой кости.

Я реветь. Из пальца кровь льёт, всё лицо исцарапано. Стала меня бабушка обмывать да йодом мазать, да и говорит:

— Сама виновата. Говорила я тебе: не дразни.

И Лялька со мной за компанию ревёт:

— У-у… Злой Колобок! Бессовестный!

А сам Колобок сидит на шкафу, на нас сверху смотрит.

Несколько дней не выходила я из дому; стыдно было: всё лицо точно после драки. А на мизинце левой руки у меня и до сих пор белое пятнышко — шрам, на память, о Колобке.

* * *

На следующее лето бабушка поселила Колобка в большом светлом чулане. Там вместо окна была вставлена проволочная сетка.

Собралась бабушка на две недели в Москву, а Колобка нам поручила. Уезжая, сказала:

— Оставляю Колобка на вас. Кормите, поите его. Да смотрите же, не упустите.

Уехала бабушка.

Лялька говорит мне, а сама так и захлёбывается:

— Анька! Вот когда я с Колобком-то подружусь. Он от бабушки отвыкнет, а ко мне привыкнет.

Я смеюсь:

— Привыкнет он к тебе, коли ты так визжать будешь.

А сама думаю: «Смешные вы обе с бабушкой».

А на другой же день мы Колобка и упустили. Не заперли дверь на крючок, сквозняком её отворило. Колобок и убежал.

Мы не знали, что делать. Что мы скажем бабушке?

И вот под вечер играли мы на лугу за орешником с другими детьми. Вдруг один из мальчишек как закричит:

— Смотрите! Смотрите! Вон Колобок ваш на ёлке.

Смотрим, — и правда. Сидит Колобок высоко на ёлке, хвост пушистый по спине распустил, мордочку наклонил вниз, на нас смотрит.

Вот мы обрадовались!

— Колобок! — кричим. — Колобок! Иди к нам!

Прыгаем под ёлкой, руки к нему тянем. Спустился Колобок ниже, а всё же так, что нам не достать. Смотрит. Мы его и так и этак зовём. Колобок ни с места.

И вот каждый день, когда мы играли на лугу, прибежит на ту же ёлку Колобок, сядет и смотрит на нас. Мы его зовём, он в ответ цокает, а только близко никого не подпускает.

Наконец приехала бабушка. Мы наперебой ей всю правду рассказали. Думали, бабушка очень сердиться будет, а она улыбнулась и говорит:

— Вернётся.

— Да нет же, бабушка, — говорит Лялька, — мы его зовём, зовём, — он спустится совсем низко, а в руки не даётся. Точно дразнит.

— Ну, а ко мне вернётся, — говорит бабушка. И на меня посмотрела, улыбнулась.

Я промолчала, а сама встревожилась. Не знаю, чего и хотеть… И Колобка

потерять жалко, — хочется, чтоб он вернулся. А в то же время думаю: «Как же это? Ко мне не захотел идти, неужели же к бабушке пойдёт? Ведь это мне обидно будет».

Ну, пошли мы все к орешнику. Бабушка позвала.

— Колобок! Колобок!

Послушали — всё тихо. Бабушка снова:

— Колобок! Колобок!

Слышим, шумят где-то листья. Мелькнуло рыженькое пятнышко, ближе, ближе. Смотрим, — сидит Колобок на той же ёлке, вниз глядит. Бабушка руки вверх протянула, зовёт:

— Колобочек мой! Иди же ко мне!

Как увидел Колобок бабушку, зацокал, прыгнул на ветку пониже, да так и бросился к бабушке на руки. Цокает, кувыркается, мордочкой бабушке в лицо тычется, сам не знает, что и делать от радости. Ну, уж и бабушка рада была! Целует, ласкает его.

А я как в воду опущенная…

Пошли мы к дому. Лялька кричит:

— Держи его, бабушка! Держи! Опять убежит!

— Теперь не убежит, — смеётся бабушка.

И ведь правда — не убежал. Так на бабушкином плече и въехал в свой чулан.